

...Где муж вправе продать жену, если она бесплодна. Где вываривают трупы покойников, а затем растирают их, пока не получится нечто вроде кашицы, которую смешивают с вином, и потом пьют этот напиток. Где самый желанный вид погребения – это быть отданным на съедение собакам, а в других местах – птицам...

Мишель Монтень. Опыты. Том I. Глава 23

... Где в лице тигра, обрамлённом белой бородой и с глазами пожилого мусульманина, мы чтим первого последователя пророка и читаем сущность ислама. Где мы начинаем думать, что веры – затихающие струи волн, разбег которых – виды

Велимир Хлебников. Зверинец

1.

Эту последовательность, само собой сложившуюся, фиксируешь раз в пять лет невольно: вслед за юбилейным годом, отмечающим день его рождения, следует юбилейный год со дня смерти. В 2020-м, 24 мая Иосифу Бродскому исполнилось бы 80 лет, а в этом, 28 января – ровно четверть века с его ухода. Причём, если ещё десять лет назад основной массив юбилейных исследований и статей был посвящен поэтике Бродского, то сегодня всё очевидней акценты расставлены на идеологических установках и политических взглядах нобелевского лауреата.

Особое внимание в 2014 г. привлекло стихотворение Бродского «На независимость Украины», с обвинениями и претензиями критиков по всему спектру – от украинофобии до имперскости. От этого отправного текста можно было отталкиваться в дальнейшем в любую сторону, поскольку «Бродский хотел вырваться из СССР – не чтобы уехать, а чтобы ездить...»², а поездив по свету с 1972 г., отметил в своих наблюдениях много всего – противоречивого, тенденциозного и без учёта, естественно, карающего института либеральных цензоров в будущем. Он наговорил по поводу разных рас, народов, религий – на солидный том в потенциальном прокурорском расследовании о

² Д. Ахапкин. «Теперь меня там нет...»: идеальный город Иосифа Бродского. – Журнал «Звезда», №1, 2021.

несоответствии Бродского актуальным в XXI в. идеологическим представлениям. Перечень их нынче разрастается неумолимо и с космической скоростью: здесь и популярное движение Cancel Culture вкупе с BLM, и набравшая мощь тяжелоатлета «политическая корректность», и новая институциональная ортодоксия, теперь не только американская – Critical Race Theory. Список каждый может продолжить по вкусу и собственным пристрастиям.

Всякого рода поношения в свой адрес Бродский отмечал не без сарказма: «Меня упрекали во всём, кроме погоды». И было за что, поскольку поэт никогда в своих эссе, тем более в поэтических текстах, не наступал песне на горло, и создаётся в наше время ощущение, что неоднократно предсказывая свой уход («Век скоро кончится, но раньше кончусь я...»), вздыхал едва ли не с надеждой и облегчением, будучи по природе лотофагом.

Действительно, XXI век, в котором поэт физически не присутствует, принёс столько неприятных сюрпризов и в сфере гражданского права, и по отношению к свободам и обязанностям, что Оруэлл вместе с Бердяевым, Замятиним, Авторхановым, Белинковым, Солженицыным переворачиваются в гробу, а Бродский с Байроном нервно покуривают в сторонке. Иначе говоря, сегодня Нобелевский комитет, ознакомившись с эссе Бродского (они, в основном, были написаны по-английски, и всего 30-35 лет назад их с восторгом принимали западные интеллектуалы), вряд ли рассматривал бы его, как кандидата на эту репутационную, правда, уже немало себя опорочившую, награду. В наши дни эссе Бродского просто бы «не соответствовали»... А уже как гениально, многопланово, глубоко, интертекстуально написано и о чём – дело десятое.

Прожив немногим менее половины своих лет на капиталистическом Западе, Бродский не застал, к его счастью, эпохи, когда идолами значительного сегмента нынешнего молодёжного электората окончательно стали Ноам Хомски и Сол Алински. Когда в Конгрессе США заправляют антизападники-антисемиты, вроде Александрии Окасио-Кортес, Ильхан Омар, Рашиды Тлаиб и Берни Сандерса, а из библиотек выбрасывают книги негодных высокоморальной цензуре авторов, таких как Гарриет Бичер-Стоу и Марк Твен. И не рекомендуют к просмотру фильмы, вроде оscarоносного «Унесённые ветром». И сносят памятники Сервантесу и Теодору Рузвельту. И запрещают к показу целые серии мультфильмов, таких как «Симпсоны» и «Том и Джерри».

Во всей этой гигантской компаративистской теме «Взгляды Бродского – расовые, гендерные, религиозные, историко-политические, этические... – и наше умопомрачительное время», я хотел бы выделить лишь одно направление. По сути, оно является продолжением

затронутой в моём предыдущем эссе¹ проблематики о постколониальной поэзии Средней Азии (поэт Санджар Янышев и «ташкентская школа») и влиянии постколониальной идеологии на литературы мира и их авторов, прежде всего стран юго-восточной Азии и Латинской Америки.

Достаточно взять только один сборник эссе Бродского, составленный самим автором, «Less Than One: Selected Essay» (N.Y., 1986), чтобы понять: Бродский написал, казалось бы, на все десять лет без права переписки. По сегодняшним меркам. Чтобы придать фокус этим заметкам, имеет смысл рассмотреть известнейшее эссе Бродского «Путешествие в Стамбул», в котором серьезный поэт и высокопарный эссеист бродит по пыльному Стамбулу, предлагая самые неожиданные дискурсы в заезженной, казалось бы, антонимической паре «западная демократия и восточная деспотия». И причины, отмеченные в эссе по поводу, у нас сегодня есть возможность наблюдать в виде следствий, а именно – бесповоротное поражение западных ценностей и торжество восточного миропорядка. В 1990 году Бродский говорит в интервью корреспонденту польского журнала «NaGlos» Гжегожу Музялю:

«Наш мир становится вполне языческим. И я задумываюсь, а не приведёт ли это язычество к столкновению – я страшно этого опасаясь... <...> между исламским миром и миром, у которого о христианстве остались лишь смутные воспоминания. Христианский мир не сможет себя защитить, а исламский будет давить на него всерьез. <...> Прагматики утверждают, что разница между двумя мирами не столь уж велика. Я же в это ни на секунду не верю. И полагаю, что исламское понимание мироустройства – с ним надо кончать. В конце концов, наш мир на шесть веков старше ислама. Поэтому, полагаю, у нас есть право судить, что хорошо, а что плохо»²

В наше время всё идёт к последовательному, практическому упразднению основ демократии, берущей начало с античности, и строительству в развитых странах социалистически-восточного общественного уклада, в нашем случае, со времен Османской империи. Предчувствуя этот захват западной цивилизации в плен «янычарами» (в духе шпенглеровского «Заката Европы», да и «Конца истории» Фукуямы), Бродский с тревогой и пониманием того, что исторический детерминизм неизбежен, так описывает, к примеру, стамбульские мечети: «Эти гигантские, насевшие на землю, не в силах от неё оторваться застывшие каменные жабы! Только минареты, более всего напоминающие – пророчески, боюсь, – установки класса земля-воздух, и указывают направление, в котором собиралась двинуться душа. Их плоские, подобные крышкам

¹ Г. Кацов. «Имя мое из семейства кунжут...». – Ж-л «Эмигрантская лира», №1, 2021.

² Л. Лосев. «Азия» в мире Бродского. Иосиф Бродский, стр. 163. ЖЗЛ. – М. Из-во «Молодая гвардия», 2010 г.

кастрюль или чугунных латок, купола, понятия не имеющие, что им делать с небом: скорей предохраняющие содержимое, нежели поощряющие вздеть очи горе. Этот комплекс шатра! придавленности к земле! намаза».¹

Восемь лет спустя, в стихотворении «Ritratto di donna» (1993), тот же настороженный взгляд облекается в рифмованные строки: «...Зима. Стамбул. / Ухмылки консула. Настырный гул / базара в полдень. Минареты класса / земля-земля или земля-чалма / (иначе – облако). Хурма, сурьма. / Другая раса».

Зачем путешественнику углубляться в сакральное знание того, что представляют собой тайны застывшего в развитии юга – в виде гигантского, чуждого западному человеку, восточного базара? Надо ли Западу сближаться с Востоком, и не опасно ли это в последней четверти XX в. для всей западной цивилизации, прежде всего? И способен ли Запад выдержать нашествие с юга и востока в веке XXI-м? Здесь Бродский следует уже проверенной в своих поэтических текстах импликация: «зачем нам двадцатый век, если есть уже / девятнадцатый век», «зачем нам рыба, раз есть икра, ... зачем вся дева, раз есть колено».

Чем обернётся для нас и наших потомков сближение культур в изумляющей своей вульгарностью идее всеобщего равенства – «мультикультурализме»? Какие вирусы, в разных смыслах, подхватят народы развитых западных стран, открыв границы и получая, в результате, мусульманские анклав на своих территориях, в которых граждане с паспортами западных государств живут по законам шариата? А законы эти абсолютно и однозначно противоречат основам демократии. Как долго в США будет работать «плавильный котёл» при таком сценарии?

Даже в столь далёком от заданной тематики стихотворении, как «Шесть лет спустя» (1968), Бродский не забывает ужаснуться от собственных интуиций по отношению к Востоку: «...и тридцать дней над морем, языкат, / грозил пожаром Турции закат».

Насколько был прав, или не прав Иосиф Бродский в своих стихотворных и прозаических травелогах по Турции, Мексике, Северной Европе (и Венеции, кстати)? Небезучастный наблюдатель, консерватор с постколониальным мышлением, остро ощущавший современность и ужасавшийся от роковых предчувствий по отношению к давшим ему «вторую жизнь» США; и к любимой им Швеции, которую называл своей экологической нишей, да и к обожаемой Венеции. Насколько толкователь Юга и Востока, западный человек Иосиф Бродским оказался, в итоге, провидцем?

¹ И. Бродский. «Путешествие в Стамбул». Здесь и далее – из сборника «Антология текстов. К фестивалю медленного чтения». – URL : <http://files.eshkolot.ru/reader-print.pdf>

2.

В своём сборнике литературно-исторических путешествий «Гений места» Петр Вайль, сдружившийся с Бродским в последние его годы, пишет: «"Путешествие в Стамбул" – самое, вероятно, уязвимое сочинение Бродского: с точки зрения историка, богослова, филолога, логика... Эссе о Стамбуле – наглядный пример той жизненной позиции, которую Бродский сформулировал в обращённом к Томасу Венцлове "Литовском ноктюрне": "...Вся жизнь как нетвёрдая честная фраза на пути к запятой"»¹.

В этом же роде высказывается и Венцлова, близкий друг Бродского на протяжении десятилетий, в «Путешествии из Петербурга в Стамбул», посвящённом рассматриваемому нами эссе: «Постоянно встречаются фразы типа: "Я не очень хорошо представляю себе, что творилось об ту пору в Иудее" (с. 80); "При не помню уж каком султани, да это и неважно – была Айя-София превращена в мечеть" (с. 100). Эрудиция Бродского порой и в самом деле даёт неожиданные сбои – например, в рассуждении об элегическом дистихе (с. 74), которое уточнено в английской версии...»².

Создаётся впечатление, что Бродский, прекрасно представляя реакцию массового читателя с мозгами, промытыми левой идеологией, пытается её сгладить, мол, хотите верьте – хотите нет; в рассуждениях моих вы найдёте неточности, так что ваши взгляды моя позиция вряд ли может оскорбить, и т.д. При том, и это отмечает Венцлова, точка зрения и отсчёта Бродского как раз достаточно продумана, аргументирована и крепко выстроена: «В целом эссе Бродского – что видно уже из названия – строится как отрицание Йейтса. Великолепной Византии, средоточию искусства, мудрости и святости, преддверию раю, а то и попросту раю, Бродский противопоставляет угрюмый Стамбул, где путнику, равно как и местному жителю, надлежит оставить всякую надежду. Эта тонкая игра теряется для русского читателя, который со стихами Йейтса, увы, обычно не знаком... Русское название эссе, намеренно прямолинейное, отсылает к другой традиции – традиции российских философских путевых очерков: "Путешествие в Армению", "Путешествие в Арзрум", а в конечном счете – "Путешествие из Петербурга в Москву"...».

Здесь важно отметить, что такое непримиримое, пессимистическое, дистопичное (в наше время запросто навесили бы ярлык «расистское») построение логических и семантических конструктов в эссе Бродского, имеет биографическое основание, на что толсто намекает и сам автор. Несколько смежных пар в его тексте очевидны, и когда он говорит о том, что является не столько жертвой

¹ П. Вайль. Босфорское время. Из книги «Гений места». Здесь и далее – ж-л «Иностранная литература», № 2, 1998.

² Т. Венцлова, Путешествии из Петербурга в Стамбул. Здесь и далее – «Собеседники на пиру» [Литературоведческие работы]. URL : <https://lit.wikireading.ru/46078>

истории, сколько географии, эта установка приобретает артикулированные очертания: христианский Константинополь, предшественник исламского Истамбула – христианский Санкт-Петербург, предшественник большевистского языческого Петрограда; и современный Стамбул, растерявший былое величие, как и советский Ленинград («великий город с областной судьбой»). Но эти важные для всего текста аналогии, не должны уводить нас от иного, крупного масштаба: возможность сосуществования западной и восточной цивилизаций. Верней, невозможность, развивая хрестоматийную мысль Киплинга о том, что Запад и Восток никогда не сойдутся.

3.

Как Иосиф Бродский ощущает и оценивает в исторической перспективе и географической ретроспективе Восток? Точней, один турецкий его угол, открывшийся из-за ширмы с её запутанным восточным узором? Хотя, возьмём шире, сходные впечатления возникают не только по прилёту в Стамбул, но и в иное южное место: «Скушно жить, мой Евгений. Куда ни странствуй, / всюду жестокость и тупость воскликнут: «Здравствуй...»¹.

Несколько цитат из «Путешествия в Стамбул»:

«Я прибыл в этот город и покинул его по воздуху, изолировав его, таким образом, в своём сознании, как некий вирус под микроскопом. Учитывая эпидемический характер, присущий всякой культуре, сравнение это не кажется мне безответственным... я ощущаю себя разносчиком определенной заразы, несмотря на непрерывную прививку «классической розы», которой я сознательно подвергал себя на протяжении большей части моей жизни. Меня действительно немного лихорадит от увиденного; отсюда – некоторая сбивчивость всего нижеследующего...»

«Что серо-бурый, грязноватый его цвет был цветом фасадов и интерьера почти всего и, в частности, нескольких контор Стамбула, где я побывал за последние три дня. Что улицы в этом городе кривы, грязны, мощены булыжником и завалены отбросами, в которых постоянно роются голодные местные кошки. Что город этот – всё в нем – очень сильно отдаёт Астраханью и Самаркандом... В общем, достаточно, чтобы засорить подсознание...»

«Бред и ужас Востока. Пыльная катастрофа Азии. Зелень только на знамени Пророка. Здесь ничего не растёт, опричь усов. Черноглазая, зарастающая к вечеру трёхдневной щетиной часть света. Заливаемые мочой угли костра. Этот запах! С примесью скверного табака и потного мыла. И исподнего, намотанного вокруг ихних чресел что твоя чалма. Расизм? Но он всего лишь форма мизантропии. И этот повсеместно даже в городе летящий в морду песок, выкальывающий мир из глаз – и на том спасибо. Повсеместный бетон, консистенции кизяка и цвета разрытой могилы... Местное население, в состоянии полного ступора сидящее в нищих закусочных, задрав головы, как в

¹ И. Бродский, «К Евгению» (из мексиканского цикла).

намазе навыворот, к телеэкрану, на котором кто-то постоянно кого-то избивает. Либо – перекидывающееся в карты, вальты и девятки которых – единственная доступная абстракция, единственный способ сосредоточиться. Мизантропия? Отчаяние? Но можно ли ждать иного от пережившего апофеоз линейного принципа: от человека, которому некуда возвращаться?»

«И эта загадочная субстанция, эта пыль, летящая вам в морду на улицах Стамбула, – не есть ли это просто бездомная материя насильственно прерванных бесчисленных жизней, понятия не имеющая – чисто по-человечески, – куда ей приткнуться? Так и возникает грязь. Что, впрочем, тоже не спасает от сильной перенаселённости...»

«Я приехал сюда взглянуть на прошлое, не на будущее, ибо последнего здесь нет: оно, какое оно ни есть, тоже ушло отсюда на Север. Здесь есть только незавидное, третьесортное настоящее трудолюбивых, но ограбленных интенсивностью истории этого места людей. Больше здесь уже никогда ничего не произойдет, кроме разве что уличных беспорядков или землетрясения...»

4.

Как уже отмечено выше, размышляя по поводу сказанного, важно учитывать утончённый солипсизм автора, подчас опрометчивый, его резко индивидуальный, «личностный фактор» в манере изложения, советский имперский бэкграунд и навязанное ещё со школы представление о восточной деспотии и повинующихся беспрекословно массах (с проекцией, уже в процессе самообразования, на советский имперский режим и оболваненный соцпропагандой советский народ).

Бродский это периодически в эссе отмечает:

«Что ж, вполне возможно, что мое отношение к людям, в свою очередь, тоже пахивает Востоком. В конце концов, откуда я сам? Но в определенном возрасте человек устаёт от себе подобных, устаёт засорять свои сознание и подсознание. Ещё один – или десяток – рассказ о жестокости? Ещё один – или сотня – пример человеческой подлости, глупости, доблести? У мизантропии, в конце концов, тоже должны быть какие-то пределы. Достаточно поэтому, взглянув в словарь, установить, что “каторга” – тоже турецкое слово. Как и достаточно обнаружить на турецкой карте – то ли в Анатолии, то ли в Ионии – город, называющийся “Нигде”...».

В определённой степени, рассказ о Стамбуле – это рассказ о себе самом, пересказ историй собственной болезни и хворей своей родины. По-разному об этом сказано в поэтических текстах и эссе Бродского, и вполне прямолинейно – в стамбульском тексте: «Взглянуть на Отечество извне можно, только оказавшись вне стен Отечества. Или – расстелив карту. Но, как замечено выше, кто теперь смотрит на карту?» И с продолжением – в другом месте:

«Не Оттоманская ли мы теперь империя – по площади, по военной мощи, по угрозе для мира Западного. И не больше ли наша угроза оттого, что

исходит она от обвосточившегося до неузнаваемости – нет! до узнаваемости! – Христианства. Не больше ли она, оттого что – соблазнительней? И что мы слышим уже в этом вопле покойного Милюкова: “А Дарданеллы будут наши!”?»

Складывается впечатление, что Стамбулу досталось от Бродского и за весь Ленинград, и за всю Россию с СССР, которые поэт, игнорируя оба названия, чаще называл Отечеством. Возможно, Стамбулу достаётся и не всегда по заслугам, но ведь Вайль в своих заметках об этом городе, фактически, не находит ничего более достойного среди достопримечательностей, кроме турецкого кофе (Бродский – чая). Так что, за восхищением от Востока и позитивом – это к Байрону.

Можно ли ожидать чего-то другого от человека, прожившего 32 года при советской власти, пусть и фрондёрствующего, пусть и выгнанного ею в три шеи за границу? Нутро – оно себя проявит, как ни старайся, заметит некий критик. Одна из самых пронизательных исследовательниц темы путешествий в бродсковедии, Санна Турома отмечает: «Авторитарная точка зрения в путевых нарративах Бродского, особенно неевропейских, обусловлена русским, советским и европейским имперским знанием. По той же причине можно задаваться вопросом, как это делает Деннис Поттер в своем исследовании европейской литературы путешествий, представляет ли эта литература “попытку преодолеть культурную дистанцию с помощью длительного акта понимания” или же “средство для выражения европоцентристского тщеславия или расовой нетолерантности”. Этот вопрос небезынтересен и для исследования русской литературы путешествий в целом и путевой прозы и поэзии Бродского в частности, несмотря на идиосинкразический характер подобного тщеславия в России».¹

Здесь, казалось бы, можно поставить точку, поскольку тема заезжена (западный, тем паче советский человек со своим уставом в восточном монастыре), если бы фраза в эссе «не Оттоманская ли мы теперь империя» касалась лишь России. Время выводит на другие масштабы, и Бродский-оракул сегодня прочитывается так, что под «мы теперь» подразумевается весь Запад. Чего стоит только один фрагмент, походя брошенное в эссе замечание:

«...в сфере жизни сугубо политической политеизм синонимичен демократии. Абсолютная власть, автократия синонимична, увы, единобожию. Ежели можно представить себе человека непредвзятого, то ему, из одного только инстинкта самосохранения исходя, политеизм должен быть куда симпатичнее монотеизма. Не стоит, наверно, называть вещи своими именами, но демократическое государство есть на самом деле историческое торжество идолопоклонства над Христианством...»

¹ Санна Турома, Бродский за границей: Империя, туризм, ностальгия (Научная библиотека). – Из-во «НЛО», М. 2020.

Что же, собственно, от интеллектуала и нобелевского авторитета Иосифа Бродского хотели бы сегодня услышать западные интеллектуалы и авторитетные либералы? Или скажем так: чего они сегодня в его творчестве не слышат?

5.

Трудно представить, что от Иосифа Бродского можно было ожидать романтических ориенталистских стереотипов, в стиле Гёте, Гюго, Скотта, Майн Рида. Другая эпоха, другой опыт, по сути, разные клише и литературные предпочтения. Как отмечает Вайль: «Иосиф Бродский знал то, чего не мог знать Леонтьев, тем более – Байрон. За Бродским – опыт XX века, с его страшными героями, масштабы и деяния которых не мнились деспотам Востока. «Цветущая сложность» оборачивалась таким образом, что единственным – бескровным и достойным – противовесом оказывалась “пиджачная цивилизация”».

«Пиджачная» – это чиновничество, «синие» и «белые» воротнички с их постным, на годы расписанным бытом в постиндустриальных городах: пять дней в неделю работа – выходные, работа – праздничный день, работа – отпуск. Ясное дело, сравнение с востоком, «землёй и садом грёз», явно было в пользу последнего.

Шаблоны ориентализма можно легко расставить по двум местам: «ксенофобские» (негативно-пугающие) и «ксенофилические» (притягательные). Оба с чётким гендерным признаком. В изобразительном искусстве – это запоминающиеся акцентированные образы. Ксенофобские – в лучших мужественных образцах, как на картине Делакруа «Араб, сражающийся со львом», и с прочими «Арабские воины на конях», «Арабская стычка», «Арабы в засаде» разных авторов в разных живописных манерах. В ту же копилку – какой-нибудь янычар на скакуне с ятаганом, который разрубает одним ударом неприятеля по диагонали так, что легендарный в этом деле рубака Семен Михайлович Будённый позавидовал бы.

Выдуманный, из эротических снов и детских игр в войну, мускулистый и театральный араб (мавр, египтянин, марокканец, сириец, индус) побеждал в воображении любого представителя «пиджачной цивилизации», зачахшего в своем стремлении к прогрессу и обществу всеобщего благоденствия. Мужчина в ориентализме – это не статическая мощь любого из васнецовских трёх богатырей, а мастер в боях без правил: хитрый, опасный, стремительный, сильный и неутомимый. Как тигр или лев, но только ещё больший хищник, поскольку в схватке со зверем всегда выходит победителем.

И, само собой, восточный воин любвеобилен. К его неутолимой похоти – одалиски, замещённые в наше время в коллективном сознании красавицами из порнохабов, сладострастницы из закрытого от постороннего взгляда и свободной буржуазной прессы гарема. Томные,

аппетитные, понятно – похотливые и безотказные. Из «Бассейна в гареме» Ж.-Л. Жерома, «Мук любви» Э.Лонга, «Турчанок в гареме» Ф. М. Бредта, в том же очаровательном стиле *тюркери* – из «Турецкой бани» Ж.-О. Д. Энгра. Любопытно, что Бродский, написав в сослагательном наклонении «Развивая Платона», упоминает лишь двух живописцев-неоклассиков, чье вдохновение вполне вписывается в идею платоновского утопического государства: «... я б скучал в Галерее, где каждое полотно / – особенно Энгра или Давида – / как родимое выглядело бы пятно».

Иными словами, для задавленного ханжеством, нормами, условностями и спартанским воспитанием европейца либо американца из привилегированных школ как XIX, как и XX века, ориентализм – это виртуальная реализация комплексов, замещение в воображении дефицита комфорта, свободы любить и убивать, жить, в конце концов, не по правилам и полицейским нормам социальности, которое навязывает общество равных возможностей.

Вольная трактовка восточных сюжетов, экзотика с удалыми бойцами рукопашного боя и раскрепощёнными девицами-красавицами (в уважающих себя борделях непременно есть комнаты-шатры с восточным антуражем в виде пальм, песчаных холмов, верблюдов на заднем плане и оазиса в стиле «всё включено» на переднем) – это укладывается в мифологему о повышенной чувственности, восточных наслаждениях и мире мечты, почти неземной. Проще говоря, всё это имеет такое же отношение к реальному востоку, как и война киношного индейца Гойко Митича с ковбоями – к реальному западу.

Ориентализм, таким образом, это и создание некоего восточного мифа, и попытка сориентировать в своих представлениях восток в том направлении, которое западу понятней и привлекательней. Возможность отойти от известного рационализма в сторону романтики и грёз. Вайль уточняет: «Восток – это был вариант. Жизненная альтернатива. Восток как опыт (реальный и, главное, умоглядный): иного пространства – огромного, немеряного, незанятого; иного времени – глубже древность, дольше день, медленнее ритм; иного человека – подчинённого своим неведомым условностям, оттого казавшегося безусловнее, первозданнее, свободнее».

Другое дело, стоит ли к этому человеку, подчинённому «своим неведомым условностям», приближаться на расстояние выстрела или ножевого удара. Что называется, не зная броду – и Бродский от идеи погружения в тему однозначно отказывается:

«Наверное, следовало взять рекомендательные письма, записать, по крайней мере, два-три телефона, отправляясь в Стамбул. Я этого не сделал. Наверное, следовало с кем-то познакомиться, вступить в контакт, взглянуть на жизнь этого места изнутри, а не сбрасывать местное население со счетов как чуждую толпу, не отмечать людей, как лезущую в глаза психологическую пыль...»

Эстетически Бродский далёк от хрестоматийного рахат-лукумного ориентализма. Всё еще можно читать тематическую прозу по ориентальному поводу, но сколько сегодня ни сочиняй, всё худо-бедно получается сиквел «Бахчисарайского фонтана». Этически же у Бродского явно не было ни времени, ни желания познавать чары южного темперамента и осмысливать восточные сказки каждой из 1001 ночи.

Сработал инстинкт самосохранения. Нравственный инстинкт, как считает Вайль: «На этом инстинкте самосохранения – нравственного! – стоит задержаться. Тезис Аверинцева: “Мудрость Востока – это мудрость битых, но бывают времена, когда, по пословице, за битого двух небитых дают. На пространствах старых восточных деспотий был накоплен такой опыт нравственного поведения в условиях укоренившейся политической несвободы, который и не снился греко-римскому миру...” Бродский против такого кошмарного сна, тем более – яви, “мира с совершенно отличными представлениями о ценности человеческого существования, нежели те, что были в ходу на Западе”. Против мазохистской установки на “битость”... В прекрасной статье “Путешествие из Петербурга в Стамбул” Т. Венцлова, перечисляя атрибуты ада в эссе Бродского, указывает на более глубокую, чем просто геополитическая, метафору, говорит о катабазисе, нисхождении в царство мёртвых».

В эссе «Путешествие в Стамбул» Бродский если и говорит об ориентализме, то с сарказмом и иронией; турецкие реалии вызывают в нём отвращение и, по большому счёту, не интересуют. Он и не пытается анализировать местный колоритный контекст, ограничившись общими важными рассуждениями философского и религиозного порядка. И это в какой-то мере спасает его (при том, что «колониалист и империалист», а как иначе!, по рождению и образу мысли) от разящего направо, но не налево, гнева лево-ориентированных потомков.

6.

Классический ориентализм – это попытка определить, вычислить иноверца и чужого, Другого, не столько его поняв, сколько подстроив под себя и таким образом его выдумав. Так были сконструированы к середине XIX в. расхожие образы бедуинов и арабов, а также негров – в виде услужливых и покорных рабов. После отмены рабства в США, вполне обходились знаниями о них, как о лучших баскетболистах и боксёрах, неутомимых в сексе и джазе. Белому населению до какого-то времени проще и лучше было не думать о том, что в чёрных кипел разум возмущенный, и на святой и правый кровавый бой он был идти готов. Периодические погромы с массовым убийством белых горожан потрясали крупные города Восточного побережья с XVIII в., а в Нью-Йорке «чёрные бунты» (black riots) обычно заканчиваясь чудовищными пожарами, от которых сгорало до половины всех построек.

И вот этот Другой, в конце концов, на сложившееся положение

вещей обиделся. Причём, обиду не выказали японцы и китайцы, мексиканцы и индусы – в основном, обиженными и обделёнными были афроамериканцы, как их стали называть с последней четверти XX в., и турки с арабами плюс присоединившиеся к ним ряд мусульманских народов.

«В современной гуманитарной науке понятие «ориентализм» означает не только востоковедение и увлечение Востоком в художественной культуре, но и различие «Востока» и «Запада», необходимое Западу для культурного конструирования Востока и обретения власти над ним (основой для такого подхода стала концепция «ориентализма» американского ученого Э. В. Саида)», - как отмечает в своей работе Е. А. Чач.¹

Здесь мы подошли к учению преподававшего в нью-йоркском Колумбийском университете профессора Эдварда Вади Саида (1935 – 2003). Как сказано о нём в Википедии: «Американский интеллектуал арабского происхождения. Литературовед, историк литературы, литературный и музыкальный критик, пианист. Теоретик культуры, автор знаменитой книги «Ориентализм» (1978), жёстко критикующей западные воззрения на Восток и обвиняющей западную науку в духовной поддержке и оправдании колониализма».

В этой работе Саид назвал интерес к Востоку «опредмечиванием». Запад втискивает то, что ему непонятно, в свои рамки, навязывает своё миропонимание, представляет театр восточных действий иллюзорно, подстраивая его под свою схему. И здесь Саид делает революционный, достойный подражания сегодня шаг: учитывая сказанное выше, ориенталистское искусство – вещь не только колонизаторская, но и расистская. По Саиду, пора говорить о культуре закабаления, а если от творчества перейти к науке, то изучение на протяжении веков Корана, арабо-мусульманских традиций, языков, систематизация по шкале ценностей – это отвратительная попытка проведения западом своеобразной разведки боем. Чтобы следующие поколения белых колонистов успешней давили свобододолюбивые, мудрые не по-западному, народы юго-востока.

Надо сказать, что в Нью-Йорке есть достойный внимания музей ориентализма – научно ориентированный музей Дагеша в Нижнем Манхэттене, Dahesh Museum of Art; и есть немало учёных, включая образованных, эмансипированных арабов, которые считают учение Саида политически мотивированным, идеологическим манифестом, и подвергают его резкой критике. В последние годы всё меньше, но это связано с общим политизированным фоном, на котором

¹ Е.А. Чач. Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века. Автореферат. Санкт-Петербургский государственный университет. С-Пб. 2012. URL : https://disser.spbu.ru/disser/%7Bzashiti_disser___id%7D/avtoref-Chach.pdf

леволиберальная профессура и неисчислимые адепты развернули священное зелёное знамя учения Саида – своего кормчего, идола и учителя.

Основной тезис его учения, пожалуй, таков: «Всякий европеец, отзывавшийся о Востоке, был расистом». Перекликается с известным советским слоганом о капиталистической науке – продажной девке империализма, но ведь Саид и есть плоть от плоти основных социалистических, леволиберальных установок. Он и к Израилю относится в известном духе, что неудивительно (вернёмся к Википедии): «Активист палестинского движения. Был членом Палестинского национального совета. Главный консультант по делам Палестины в США. Популярный журналист, жёсткий критик израильской политики в палестинском вопросе, сионизма и арабского национализма». Добавлю: его известный труд «Палестинский вопрос» (1979) – неперемный атрибут в домашних библиотеках тех, кто поддерживает бойкот израильских товаров и борется за два государства для двух народов – давняя левая мечта о «ду-киюме», мирном добрососедском сосуществовании евреев и арабов в Израиле.

Израиль давно уже стал той самой лакмусовой бумажкой, по которой можно легко определить, насколько влево повёрнуты мозги у того или иного политика, общественного деятеля, звезды Голливуда, спортсмена, журналиста либо ученого. И я привел здесь эти биографические данные автора ставшей почти легендарной в определённых кругах, «знаменитой книги», чтобы, не теряя зря времени, стало понятней, что собой представляет большой учёный Саид, на которого сегодня молятся современные «ориенталисты», и не только, на Западе и Востоке.

Белые учёные вообще не способны понять Восток, сообщает в «Ориентализме» «американский интеллектуал арабского происхождения», и не должны заниматься востоковедением, поскольку они не арабы. Ничего вам не напоминает? Белые актеры не должны играть чёрных и азиатов, и не должны озвучивать не-белых анимационных персонажей (напомню: недавно актер Хэнк Азария каялся публично и извинялся за то, что озвучил стереотипного индийца Апу в «Симпсонах»). При этом, актриса очень тёмного цвета кожи Джоди Тернер-Смит будет играть королеву Анну Болейн в мини-сериале – понятно, с усиленной феминистской составляющей. Верю, что английская королева любого цвета кожи всё равно одолеет душный патриархат тюдоровской Англии. И если надо, либеральный зритель массово чёрную королеву в этой не шахматной партии поддержит.

7.

Расизм, по мнению Саида, присущ ориентализму, как неизбежная характеристика отношения народа-господина к народам подчиненным,

которые не могут «сами выражать свои интересы». В послесловии к книге «Ориентализм» издания 1995 г., Саид писал: «Я вспоминаю один из первых арабских обзоров моей книги, в которой автор “Ориентализма” был назван поборником арабизма, защитником униженных и оскорблённых, чья миссия – в том, чтобы призвать власти Запада к чему-то вроде эпического и романтического mano-a-mano. Несмотря на явное преувеличение, в книге действительно присутствует чувство враждебности Западу, как его воспринимают арабы, а также содержится достойный, с точки зрения многих образованных арабов, ответ».

Этот ответ на вопрос, по мнению Саида, которому уже несколько тысячелетий. Саид указывает на одну из трагедий Эсхила, в которой Греция изображала персов варварами. Обобщим: колыбель европейской цивилизации Греция так неполиткорректно относилась к персам, то есть всему Востоку. Стало быть, история ориентализма в таком дурном смысле, завершает мысль Саид, началась 2 тысячи лет назад. Отмечу, что афроамериканцам повезло меньше: они требуют репараций за ущерб, нанесённый рабством, ведя отсчет всего-ничего – за последние пять столетий, начиная с 1619 г., когда судно с первыми рабами причалило к берегам Северной Америки.

Учение Саида живёт и побеждает, а дело его не забыто. Теперь представьте, если бы Иосиф Бродский в своих эссе, посвящённых югу и востоку, исследовательски подошёл бы к увиденному, приводя цитаты из Корана, анализируя вековые восточные традиции и пытаясь углубиться в итоговое настоящее? В какую, простите, котлету превратили бы его имя и его труды сегодня радтели за идею «белой вины»?!

За имперскость ещё можно дать десять лет, как я писал вначале этих заметок, но за изучение и толкование белым человеком восточных премудростей – книги Бродского выносили бы из библиотек и сжигали в правильные времена в грядущем на площадях; и снесли б памятник, будь он установлен Бродскому по месту его работы в Библиотеке Конгресса (1991-1992 годы). Да, ещё бы и всех регалий лишили, – неважно, что у покойника: он в этом случае попадает в список прочих «мёртвых белых мужчин». Как у лауреата Нобелевской премии Джеймса Уотсона в 2019 г. – почётных званий из-за его высказываний о неравных интеллектуальных способностях различных рас.

В эссе Бродского на временной карте соседствуют христианско-византийский Константинополь и мусульманско-османский Стамбул. Большинство аналогий и ассоциаций – из времени прошедшего, а в настоящем – поверхностный взгляд эстета на город, остановившийся в своем развитии на заснувшем на столетия Востоке. Практически, ничего от исследователя-учёного – метафоры, стремительно рождающиеся сентенции и погружение во время. Умнейшая позиция, ведь недаром Исая Берлин из всех качеств, особо выделяя у Бродского ум.

Конечно, не индульгенция «на всю длину потёмок», но от сегодняшнего мракобесия, по крайней мере. Не зря Томас Венцлова в своём эссе отметил особо: «Время – основная тема «Путешествия в Стамбул», как, впрочем, и всего творчества Бродского».

Трудно пройти между Сциллой и Харибдой совсем без потерь: между классическим ориентализмом и современным, популистским учением Саида. Похоже, Бродскому это удалось. В конце концов, обвинения в колониальности (не современный расизм же, хотя близко) с имперскостью всегда можно списать за счёт влияния советской системы, но дальше предъявить Бродскому последователям Саида и иже с ними, практически, нечего. Они сегодня формируют, как принято говорить, повестку дня, однако расправиться с Бродским до конца не получается.

Не без изъяна, но не так, как бы им хотелось, уязвимо его представление о том, что Западу близко подходить к Востоку не стоит. В книге Льва Лосева¹ находим: «... упоминания Ислама в ранней поэзии Бродского могут озадачить читателя... Главный пафос этого... монолога в разоблачении попыток насильственно управлять ходом истории, “организовывать” всеобщее счастье...».

Бродскому подсказывает это опыт и интуиции. И простая логика: вначале колонисты к ним, теперь – колонии к нам. «От «бремени белого человека» эпохи Киплинга до «вины белого человека» за все «белые привилегии», с «белой хрупкостью» (White Fragility) в рамках Whiteness Studies – расстояние всего в одно столетие. Не стоило сближаться.

В известном смысле, позиция Бродского не противоречит английской поговорке «не будите спящую собаку». В этом плане Бродский неполиткорректно выступил провидцем, но ведь мало кто к провидцам, как свидетельствует история, да и география, готов прислушаться.

¹ Л. Лосев. «Азия» в мире Бродского. Иосиф Бродский, стр. 161. ЖЗЛ. – М. Из-во «Молодая гвардия», 2010 г.